

Статистические материалы как источник по изучению военно-мобилизационного и трудового потенциала тыловых районов России в годы Великой Отечественной войны

В.А. Исупов

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
г. Пушкин

Vladimir_2004_@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы информационного обеспечения историко-демографических исследований. В основу работы положен критический анализ переписи населения 1939 г., а также статистических материалов, характеризующих естественное и миграционное движение населения. Большое внимание уделяется изучению и источниковедческой оценке статистических материалов, содержащих сведения о численности и составе городского и сельского населения.

Ключевые слова:

историческая демография, население, численность, состав, мобилизация, источники, статистика

Численность и состав населения, его профессиональная и образовательная подготовленность, словом, все то, что можно включить в понятие «военно-мобилизационный и трудовой потенциал», являли собой силу, внесшую основной вклад в Победу в годы Великой Отечественной войны. Деятельность по определению военно-мобилизационного и трудового потенциала велась в нашей стране в течение всей войны. Она была возложена на Госплан СССР и его органы – республиканские, областные (краевые) статистические управления. Полученные данные передавались для практического использования специальным государственным структурам: Главному управлению формирования и укомплектования войск Красной Армии при Наркомате обороны СССР (далее – Главупраформ) и Комитету по распределению рабочей силы (с 1942 г. – Комитету по учету и распределению рабочей силы) при СНК СССР. Госплан и ЦСУ СССР совместно с Комитетом по учету и распределению рабочей силы в течение всей войны составляли балансы рабочей силы с целью определить наличные трудоспособные ресурсы, которые уменьшались с каждым годом войны. Главупраформ прилагал титанические усилия по выявлению мобилизационных ресурсов различных регионов.

Цель настоящей статьи – установить, на какие источники информации опирались государственные структуры в этой сложной работе и, вместе с тем, дать сжатую харак-

Statistical materials as a research source of the military-mobilization and labor potential of the rear regions of Russia during the Great Patriotic War

V.A. Isupov

Leningrad State University named after A.S. Pushkin,
Pushkin

Vladimir_2004_@mail.ru

Abstract

The paper considers the information support issues of historical and demographic research. The work is a critical analysis of the population census made in 1939, as well as statistical materials characterizing the natural and migratory population movement. Much attention is paid to research and source study evaluation of statistical materials containing information about size and composition of urban and rural population.

Keywords:

historical demography, population, population size, composition, mobilization, sources, statistics

теристику этих источников. Отметим попутно, что проблема точности и достоверности источников является одной из основных проблем бурно развивающегося ныне направления исторических исследований – исторической демографии.

Хронологические рамки статьи охватывают не только весь период Второй мировой войны, но и ее начальный период (1939–1940) и первые годы после ее завершения. Это обусловлено тем, что документы 1946–1948 гг. содержат сведения об итогах войны и тем самым проливают свет на события военных лет.

В начальный период Второй мировой войны первичной основой, на которую опирались статистики осуществляя расчеты военно-мобилизационного и трудового потенциала страны и ее отдельных регионов, служили материалы переписи населения, проведенной 17 января 1939 г. Они содержали сведения не только о численности населения страны и ее отдельных регионов, но почти полную информацию о структуре населения по полу, возрасту, социально-экономическим группам (образование, занятость, социальный и профессиональный составы, национальность). Перепись 1939 г. проводилась в особых условиях. Она была организована по постановлению СНК СССР от 26 сентября 1937 г. После признания материалов Всесоюзной переписи населения 1937 г. дефектными [1, с. 227] многие статистики были подвергнуты репрессиям по надуманным

обвинениям в преднамеренной фальсификации переписи. Таким образом, важнейшей задачей, поставленной перед организаторами переписи 1939 г. было исправление якобы допущенных в 1937 г. грубых ошибок, в том числе и преодоление последствий вредительства. Перепись 1939 г. из обычной статистической операции превратилась в масштабную политическую акцию. Газета «Правда», выражавшая официальную позицию властей, писала, что перепись призвана показать «как под благодатными лучами Сталинской Конституции из года в год увеличивается рождаемость в нашей стране, как неуклонно повышается культурный уровень советских людей» [2]. Собственно, научно-практическая цель переписи – получение по возможности точной информации о населении – явно уступала интересам идеологии. Вокруг самой переписи была создана завеса бессмысленной секретности. Неудивительно, что перепись 1939 г. вызвала множество споров в современной историко-демографической литературе по вопросу ее достоверности [3–7]. Нет необходимости повторять основные положения дискуссии – они хорошо известны. Для задач, решаемых в настоящей статье, не имеют значения приемы искажения данных в ходе переписи. Укажем только, что исследователи сошлись во мнении, что перепись 1939 г. завысила численность населения. Кроме того, перепись явно преувеличила степень урбанизированности Советского Союза [8]. Но для нас особенно важно, что завышение численности населения неизбежно повлекло за собой искажение его структурных характеристик, так как в ходе фальсификаций завышается не просто абстрактная численность населения. Последнее, как известно, состоит из мужчин и женщин различного возраста. Соответственно искажение общей численности населения приводило к искажению его половозрастных характеристик.

Фальсифицируя цифровые показатели переписи, статистики не предполагали, что с началом войны это вызовет серьезные трудности при оценке военно-мобилизационного и трудового потенциала страны. Только в годы Великой Отечественной войны стало очевидно, что, вынуждая статистиков искажать в угоду идеологическим фетишам демографические характеристики, советские руководители обманывали сами себя. Но, несмотря на многочисленные дефекты, материалы переписи 1939 г. были пригодны для использования в практических целях, но требовали внесения обоснованных поправок. Иными словами, нуждались в очищении от искажений. Вместе с тем, для этого не доставало сведений, которые были засекречены – сам факт преднамеренной фальсификации переписи 1939 г., как мы уже отмечали, тщательно скрывался. Однако за немением более точных цифр в начале Великой Отечественной войны перепись 1939 г. служила важным ориентиром для определения людского потенциала и военно-мобилизационных возможностей СССР. Отметим, кстати, что с этой же целью материалами переписи населения 1939 г. небезуспешно пользовалась немецкая разведка [9, с. 18–22]. Из этого следует, что псевдосекретность, созданная вокруг переписи 1939 г., была не только бессмысленной, но попросту вредной затеей, причинившей ущерб, прежде всего, Советскому Союзу.

Важно отметить, что переписи населения имеют очень большое значение не только для экономики и армии, но и для выявления траектории демографического роста. Погрешности переписи обусловили возникновение явно негативной тенденции в развитии советской демографической статистики. В частности, к началу Великой Отечественной войны недостаточно точно была определена численность населения России. Как известно, текущая оценка численности населения производится на основании итогов последней переписи населения, к которым добавляются числа родившихся и прибывших на данную территорию и вычитаются числа умерших и выбывших с данной территории.

Сегодня, по мере включения в научный оборот новых статистических документов, мы имеем возможность выяснить, как на основании вышеприведенной методики проводились расчеты по определению численности населения России. Статистики ЦСУ при Госплане СССР исходили из следующих данных: перепись 1939 г. показала, что численность населения РСФСР (без Карельской АССР, но включая Крымскую АССР) достигла 108,8 млн чел. Естественный прирост в 1939 г. составил 1,9 млн чел. Потери населения России за счет оттока населения в другие союзные республики (отрицательное сальдо миграции) составили 0,2 млн чел. [10]. Таким образом, численность населения РСФСР на начало 1940 г. была определена исходя из следующего расчета:

$$108,8 + 1,9 - 0,2 = 110,5 \text{ млн чел.}$$

Естественный прирост населения РСФСР в течение 1940 г. составлял, по прикидкам статистиков, 1,5 млн чел. За счет миграций Россия потеряла 0,3 млн чел. [11]. Следовательно, население РСФСР на начало 1941 г. насчитывало:

$$110,5 + 1,5 - 0,3 = 111,7 \text{ млн чел.}$$

У нас нет уверенности в точности этих цифр, так как все статистические документы 1930-х гг. заполнены материалами, свидетельствующими о неточности текущего учета естественного и механического движения населения [12]. Так, начальник Центрального управления народнохозяйственного учета при Госплане СССР (так до 21 марта 1941 г. именовалось ЦСУ СССР) И.В. Саутин 31 марта 1940 г. докладывал председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому: «Вследствие того, что население не все случаи рождений и смертей регистрирует в Загсах, приводимые цифры не являются вполне точными» [13]. Усилия властей по повышению точности регистрации рождений и смертей, предпринятые во второй половине 1930-х гг., положительно сказывались на развитии советской демографической статистики. Тем не менее погрешности статистического учета при огромном массиве материала (миллионы случаев рождений и смертей) были неизбежны. Так, в 1939 г. в России было зарегистрировано 4,1 млн родившихся, тогда как на самом деле на свет появилось почти 4,3 млн младенцев (не учтено почти 200 тыс. рождений). В этом же году загсами РСФСР зафиксировано 2,1 млн смертей. На самом деле умерло 2,2 млн чел. (погрешность около 100 тыс. смертных случаев) [14, 15]. Но особенно большими неточностями характеризовался статистический учет мигрантов, который был организован только в городах на основе прописки-вы-

писки. В сельской местности, где люди были лишены паспортов, мигранты вообще не регистрировались. Кроме того, напомним, что данные о численности населения страны и ее отдельных регионов по переписи 1939 г. (она была точкой отталкивания при проведении расчетов) изначально содержали неточности. Они механически перешли в расчеты динамических рядов численности населения.

Погрешность расчетов статистиков, работавших в начале 1940-х гг., невольно подтвердили оценки современных статистиков. По данным Госкомстата России, опубликованным в 1998 г., население нашей страны в начале 1940 г. насчитывало 110,1 млн чел., а в начале 1941 г. – 111,4 млн [16, с. 32]. Казалось бы, расхождение между современными оценками и расчетами, проведенными в 1940-е гг., минимально и находится в пределах допустимой статистической ошибки. Но это сходство иллюзорно. Дело в том, что оценки 1990-х гг. не учитывали население Крыма, который был выведен из состава РСФСР в 1954 г. Расчеты начала 1940-х гг., напротив, население Крымской АССР учитывали. Таким образом, налицо несовпадение территориальных границ. Между тем, по данным переписи 1939 г., в Крымской АССР проживало 1,1 млн чел. [17, с. 25]. Следовательно, советские статистики не имели возможности с требуемой точностью определить численность населения к началу Великой Отечественной войны.

Со значительными неточностями регистрировались пол и возраст умерших, что приводило к преувеличенному представлению о численности мужчин призывных возрастов. Это вызывало ошибки в расчетах численности и состава населения отдельных регионов страны. Так, численность населения Западной Сибири на начало 1941 г. была определена в 9266,6 тыс. чел. [18, с. 67]. Это послужило основой для оценки численности мужчин призывного возраста. Считалось, что количество мужчин в возрасте 18–45 лет в Западной Сибири составляло 1576,8 тыс. чел., что, скорее всего, превышало их реальную численность [19].

Война началась при отсутствии достоверных данных о наличии людских ресурсов. Это существенно затрудняло плановое использование людского потенциала. В конечном счете на места высылались явно завышенные наряды на мобилизацию военнообязанных, которые подчас невозможно было выполнить. В 1941 г. ни Госплан, ни ЦСУ, ни Наркомат обороны СССР, ни местные статистические и плановые органы не имели точных сведений о численности мужчин боеспособных возрастов, что было чрезвычайно важно для укомплектования армии. Отсутствовала достоверная информация о количестве женщин трудоспособных возрастов, подростков, вступающих в рабочий возраст, и лиц старше 60 лет. Между тем, эти данные были крайне необходимы при распределении трудовых ресурсов. Это, в свою очередь, создавало затруднения при замене уходивших на фронт мужчин небоеспособными гражданами. Неопределенным оставалось и количество детей – дошкольников и подростков, а следовательно, неясно, сколько женщин не смогут прийти на заводы и фабрики? Какое количество детских садов и яслей требовалось, чтобы высвободить женщин от домашних забот и направить их на производство?

В таких условиях о каком-либо строгом планировании и эффективном использовании людских ресурсов страны не могло идти и речи. Летом 1941 г., с началом широкомасштабных боевых действий, в деятельности государственных органов и воинских штабов, не обладавших точной информацией о советском людском потенциале, произошел сбой. В свою очередь это вызвало множество ошибочных решений, растерянность, а в конечном итоге явно избыточный призыв. В целом, в течение Великой Отечественной войны многие решения о воинской мобилизации носили не планомерный и упорядоченный характер, а являлись ситуационными и подчас бессистемными.

В июле 1942 г. Новосибирский обком под давлением обстоятельств военного времени принял явно запоздалое, но важное решение об организации специального обследования людского потенциала области с целью его последующего рационального использования. Его итогом стал фундаментальный 340-страничный аналитический доклад, подготовленный отделами обкома и облисполкома при активном участии местных научных работников. Составители доклада посчитали необходимым специально подчеркнуть: «Несмотря на всю народнохозяйственную и оборонную важность этих (демографических – В.И.) процессов, точных статистических материалов, характеризующих состояние дела – не имеется. Органы статистического управления до последнего времени не занимались учетом и анализом происходящих сдвигов в составе населения и потому не располагают соответствующими материалами. Между тем, этот вопрос сейчас, в обстановке отечественной (так в источнике – В.И.) войны, приобрел исключительное государственное значение и в первую очередь для обеспечения всех отраслей народного хозяйства рабочей силой, не говоря уже о значении этих данных для выполнения планов мобилизации в Красную Армию» [20]. В результате властям, при расчете людских ресурсов и организации трудовых и военных призывов приходилось действовать не по заранее составленному плану, но принимать ситуационные решения, далеко не во всех случаях основанные на достоверных данных.

Важно учитывать, что и без того неточные материалы переписи 1939 г. быстро устарели и утратили значение информационной базы. Резкие колебания рождаемости и смертности, характерные для военных лет, крупномасштабные воинские мобилизации и эвакуация, передвижение спецконтингента быстро и кардинально изменили численность и состав населения тыловых регионов страны. В этих условиях приходилось искать новые источники информации о мобилизационном и трудовом потенциале тыловых районов. В 1943 г. сотрудники ЦСУ СССР разработали таблицы единовременных отчетов сельсоветов, которые предназначались для получения сведений о половом и возрастном составе сельского населения. Эти таблицы, получившие наименование «форма С», заполнялась работниками сельсоветов на основе похозяйственных книг и списков временно проживавших. Затем таблицы направлялись районным инспекторам ЦСУ для проведения статистической обработки и получения сводных (по районам) данных. Таблицы формы «С» содержат ценнейшую инфор-

мацию о распределении наличного сельского населения по полу и возрасту.

Очевидно, что единовременные отчеты сельсоветов преследовали фискальные и мобилизационные цели. Их использовали налоговые учреждения, органы по учету и распределению рабочей силы, а также военные комиссариаты. По этой причине отчеты о численности и структуре сельского населения составлялись особенно тщательно, а потому были достаточно надежны. Современные историки, используя этот источник информации, имеют возможность не только определить численность и состав сельского населения по полу и возрасту в годы Великой Отечественной войны, но дифференцировать женский перевес по различным диапазонам возрастов. Это чрезвычайно важно, так как аномалии в соотношении полов были особенно значительны в социально активных возрастах от 18 до 49 лет.

К сожалению, источники не дают возможности детально проследить изменения половозрастного состава городского населения, произошедшие в военные годы. Однако этот досадный пробел в источниковой базе отчасти восполняется вследствие использования материалов карточной системы распределения продуктов. ЦСУ СССР и Госплан СССР использовали материалы Наркомторга СССР как базу для учета численности и состава населения городов и рабочих поселков. Карточная система была введена постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г. Рабочие, служащие и их иждивенцы получали хлебные карточки непосредственно на предприятиях, а так называемое «неорганизованное» население – в карточных бюро на основании стандартных справок, заверенных в бюро технического учета. Горожане были заинтересованы в постановке на учет, а сама карточная система являла собой эффективный способ контроля над городским населением. Данные о количестве выданных хлебных карточек являются источником дополнительных сведений не только о численности, но и структуре городского населения.

Важным источником по определению размеров трудового потенциала городского населения является учет неработающего населения городов. В ходе этих учетов, организация которых возлагалась на ЦСУ СССР, выявлялись все не работавшие мужчины в возрасте от 14 до 55 лет и женщины – от 15 до 50 лет. Из списков не работавших исключались инвалиды первой и второй групп, учащиеся вузов, техникумов, школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ. Учеты, как правило, проводились без опроса населения, по сведениям управляющих домами, комендантов общежитий и домовладельцев. Полученные материалы тщательно сверялись с данными карточных бюро о числе выданных хлебных карточек. Учет людских ресурсов как города, так и села показал, что в ходе трудовых мобилизаций запас нигде не работавших женщин, подростков и стариков, составлявших в военное время основной запас незадействованного труда, постоянно сокращался. Тем не менее даже в суровые годы войны в городах оставались люди, не занятые на производстве и существовавшие за счет неконтролируемых государством источников дохода. В политическом аспекте это означало выпадение из структуры тоталитарного государства. Про-

веденный в марте 1942 г. учет выявил в городских поселениях Новосибирской области 48 тыс. нигде не работавших женщин (не учившихся и не имевших на своем попечении детей до 8 лет). Так, в Омской области таковых насчитывалось свыше 14 тыс. чел., в Алтайском крае – около 9 тыс. [21]. По подсчетам ЦСУ СССР, которые были сверены с данными Наркомторга СССР о количестве выданных хлебных карточек, в Барнауле в 1943 г. численность не работавших и не учившихся женщин, не имеющих детей до 8 лет, составляла почти 5 тыс. чел. В Анжеро-Судженске таковых насчитывалось 2,2 тыс., в Киселевске – 1,2, в Томске – почти 4, в Тюмени – свыше 2 тыс. чел. [22].

В 1944 г. по всем городам Советского Союза было выявлено 614 тыс. нигде не работавших мужчин и женщин [23]. В Новосибирской области повторный учет не работающего населения, проведенный 15 марта 1944 г., показал, что количество не занятых мужчин в возрасте от 14 до 55 лет составляло 1791 чел. Не занятых женщин в возрасте от 14 до 50 лет было еще больше – 41 978 чел., в том числе бездетных или не имеющих детей моложе 8 лет – 11 340 чел. Таким образом, областные власти получили возможность мобилизовать в Красную армию и на производство дополнительно 23 062 чел. [24]. В действительности количество не занятых на производстве мужчин и женщин было значительно больше, чем обнаруживали официальные проверки. Н.М. Шверник, стремясь подчеркнуть положительные стороны деятельности руководимого им Комитета по учету и распределению рабочей силы, а заодно поставить в неловкое положение представителей других ведомств, писал: «Проводимый ЦСУ единовременный учет городского неработающего населения (без опроса населения) не обеспечивает выявления неработающих граждан» [25]. По-видимому, эффективность административно-бюрократической системы, действовавшей в СССР в годы войны, сильно преувеличена.

После завершения войны появился источник, содержащий сведения о половозрастном составе не только сельского, но и городского населения. Государственные органы использовали этот источник для выявления как численности и состава населения, так и гендерных аномалий, сложившихся вследствие огромных военных потерь. Мы имеем в виду списки избирателей, составившиеся к выборам депутатов Верховного Совета СССР (1946) и Верховных Советов РСФСР и автономных республик (1947). В списки вносились граждане от 18 лет и старше, обладавшие избирательным правом. СНК СССР распоряжением от 31 декабря 1945 г. № 13842Р разрешил статистикам использовать списки избирателей для расчетов с целью определения численности и половозрастного состава населения [26]. Основным недостатком этого источника является то, что в списки избирателей не включались некоторые группы населения, в частности, лишённые избирательных прав заключенные. Кроме того, исходя из соображений секретности, СНК СССР категорически запретил статистикам разработку списков избирателей по воинским частям. К тому же информация о половозрастном составе гражданского населения, полученная на основе списков избирателей, не может считаться статистически «чистой», так как имеет «примеси» в связи с притоком в города и деревни мужчин

в ходе развернувшейся в 1945 г. демобилизации. Поэтому надо иметь в виду, что собственно в военные годы структурная ситуация в стране была значительно напряженней, чем это показывает используемый источник.

Значительные сдвиги в военные годы произошли в составе детского и подросткового населения. Изменения, произошедшие в численности и структуре населения моложе 18 лет, можно проследить, используя статистические сведения, полученные после завершения Великой Отечественной войны. Такого рода данные содержат материалы подсчета детей и подростков, организованного ЦСУ СССР в декабре 1947 – январе 1948 гг. в городских поселениях страны. Этот учет являл собой своеобразную микроперепись населения моложе 18 лет, проведенную, однако, без опроса населения. Информация о количестве и составе детей и подростков по домам индивидуального жилищного фонда была получена в ходе отчетов домовладельцев. Регистраторы ЦСУ СССР и представители уличных комитетов посетили фактически каждое домовладение. По домам обобщественного жилищного фонда отчеты составлялись комендантами и домоуправлениями. Сведения о численности и составе детей и подростков в детских домах, школах-интернатах, в общежитиях учебных заведений были получены на основе рапортов их руководителей. После окончания подсчета проводилась контрольная проверка точности полученной информации. Проверка охватила примерно 10–14 % детей и подростков.

Подсчет численности населения моложе 18 лет зафиксировал две глубокие демографические ямы, образовавшиеся в возрастной структуре населения. Они соответствовали двум мощным демографическим катастрофам, обрушившимся на Россию в XX столетии – 1932–1933 и 1939–1945 гг. Впоследствии наличие этих демографических провалов нашло подтверждение в ходе проведения и статистической обработки материалов первой после Второй мировой войны Всесоюзной переписи населения 1959 г.

Источники и литература

1. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – Москва, 1991.
2. Правда. – 1939. – 4 сент.
3. Тольц, М.С. Репрессированная перепись / М.С. Тольц // Родина. – 1989. – № 11.
4. Цаплин, В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы / В.В. Цаплин // Вопросы истории. – 1989. – № 4.
5. Андреев, Е. Опыт оценки численности населения СССР. 1926–1941 гг. (Краткие результаты исследования) / Е. Андреев, Л. Дарский, Т. Харьковская // Вестник статистики. – 1990. – № 7.
6. Исупов, В.А. Тайны советской статистики / В.А. Исупов // Вестник АН Сиб. отд. Серия «История, филология». – Новосибирск, 1991.
7. Жиромская, В.Б. Всесоюзная перепись 1939 г. в историографии: оценка достоверности / В.Б. Жиромская // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. – Москва, 1996.
8. Жиромская, В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская. – Москва, 2001.

9. Гелен, Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии 1942–1971 / Р. Гелен. – Москва, 2003.
10. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 391. – Л. 39; – Д. 406. – Л. 113.
11. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 391. – Л. 39, 40.
12. Исупов, В.А. Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны / В.А. Исупов. – Сыктывкар, 2011.
13. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 406. – Л. 20.
14. Андреев, Е.М. Демографическая история России: 1927–1957 / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харьковская. – URL: <http://www/demoscope.ru/ knigi/ - dars/adk.html> (дата обращения 25 января 2017 года).
15. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 537. – Л. 10.
16. Население России за 100 лет (1897 – 1997). Стат. сб. / редкол. Ю.А. Юрков [и др.]. – Москва, 1998.
17. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / сост. Ю.А. Поляков [и др.]. – Москва, 1992.
18. Исупов, В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны. Изд. 2-е, испр. и доп. / В.А. Исупов. – Москва–Берлин: Директмедиа Пабблишинг, 2021.
19. РГАЭ. – Ф. 4372. – Оп. 42. – Д. 997. – Л. 55.
20. ГАНУ. – Ф. П-4. – Оп. 6. – Д. 38. – Л. 23.
21. РГАЭ. – Ф. 4372. – Оп. 42. – Д. 999. – Л. 24.
22. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 20. – Д. 412. – Л. 2, 34, 38.
23. ГАРФ. – Ф. 9517. – Оп. 1с. – Д. 23. – Л. 14.
24. ГАНУ. – Ф. П-4. – Оп. 8. – Д. 22. – Л. 8 об.
25. ГАРФ. – Ф. 9517. – Оп. 1с. – Д. 23. – Л. 15.
26. ГАНУ. – Ф. 11. – Оп. 2. – Д. 1409. – Л. 1.

References

1. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1937 g. Kratkie itogi [All-Union population census. Short results] / ed. Yu.A. Polyakov. – Moscow, 1991.
2. Pravda Newspaper. – 1939. – September 4.
3. Tolts, M.S. Repressirovannaya perepis [Census of the repressed] / M.S. Tolts // Rodina. – 1989. – № 11.
4. Tsaplin, V.V. Statistika zhertv stalinizma v 30-e gody [Statistics of the victims of Stalinism in the 1930s] // Voprosy istorii [Questions of History]. – 1989. – № 4.
5. Andreev, E. Opyt ocenki chislennosti naseleniya SSSR. 1926 – 1941 gg. (Kratkie rezultaty issledovaniya) [Assessment of population density of the USSR. 1926 – 1941 (Short research results)] / E. Andreev, L. Darsky, T. Kharkova // Statistical Bulletin. – 1990. – № 7.
6. Isupov, V.A. Tayny sovetskoy statistiki [Secrets of Soviet statistics] / V.A. Isupov // Bulletin of the Siberian Branch RAS. Series “History and Philology”. – Novosibirsk, 1991.
7. Zhiromskaya, V.B. Vsesoyuzhnaya perepis 1939 g. v istoriografii: otsenka dostovernosti [All-Union census of 1939 in historiography: assessment of reliability] / V.B. Zhiromskaya // Rossiya v XX veke: sudby istoricheskoy nauki [Russia in the XX century: fate and fortunes of the historical science]. – Moscow, 1996.
8. Zhiromskaya, V.B. Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzglyad v neizvestnoe [Demographic history of Russia in the 1930s. View of the unknown] / V.B. Zhiromskaya. – Moscow, 2001.

9. Gelen, R. Vojna razvedok. Tajnye operacii specsluzhb Germanii. 1942 – 1971 [The war of intelligence. Covert operations of the German secret services. 1942 – 1971] / R. Gelen. – Moscow, 2003.
10. RGAE [Russian State Archive of Economics]. – Fonds 1562. – Inventory 329. – File 391. – Sheet 406.
11. RGAE [Russian State Archive of Economics]. – Fonds 1562. – Inventory 329. – File 391. – Sheets 39, 40.
12. Isupov, V.A. Statisticheskie istochniki po demograficheskoy istorii Rossii perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [Statistical sources on the demographic history of Russia during the Great Patriotic War] / V.A. Isupov. – Syktyvkar, 2011.
13. RGAE [Russian State Archive of Economics]. – Fonds 1562. – Inventory 329. – File 406. – Sheet 20.
14. Andreev, E.M. Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927 – 1957 [Demographic history of Russia: 1927 – 1957] [Electronic resource] / E.M. Andreev, L.E. Darsky, T.L. Kharkova. – URL: <http://www.demoscope.ru/knigi/dars/adk.html>.
15. RGAE [Russian State Archive of Economics]. – Fonds 1562. – Inventory 329. – File 537. – Sheet 10.
16. Naselenie Rossii za 100 let (1897 – 1997) [Population of Russia for 100 years (1897 – 1997)]. Statistical collection. – Moscow, 1998.
17. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1939 goda: Osnovnye itogi [All-Union Population Census of 1939: Main results]. – Moscow, 1992.
18. Isupov, V.A. Glavnyj resurs Pobedy. Lyudskoj potencial Zapadnoj Sibiri v gody Vtoroj mirovoj vojny [The main resource of victory. Human potential of Western Siberia during the Second World War]. 2nd ed., revised and updated / V.A. Isupov. – Moscow-Berlin: Directmedia Publishing, 2021.
19. RGAE [Russian State Archive of Economics]. – Fonds 4372. – Inventory 42. – File 997. – Sheet 55.
20. GANO [State Archive of the Novosibirsk Region]. – Fonds P-4. – Inventory 6. – File 38. – Sheet 23.
21. RGAE [Russian State Archive of Economics]. – Fonds 4372. – Inventory 42. – File 999. – Sheet 24.
22. RGAE [Russian State Archive of Economics]. – Fonds 1562. – Inventory 20. – File 412. – Sheets 2, 34, 38.
23. GARF [State Archive of the Russian Federation]. – Fonds 9517. – Inventory 1s. – File 23. – Sheet 14.
24. GANO [State Archive of the Novosibirsk Region]. – Fonds P-4. – Inventory 8. – File 22. – Sheet 8 Back Page.
25. GARF [State Archive of the Russian Federation]. – Fonds 9517. – Inventory 1s. – File 23. – Sheet 15.
26. GANO [State Archive of the Novosibirsk Region]. – Fonds 11. – Inventory 2. – File 1409. – Sheet 1.

Информация об авторе:

Исупов Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»; Российская Федерация, 196605, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10; e-mail: Vladimir_2004@mail.ru).

Author:

Vladimir A. Isupov – Doctor of Sciences (History), Professor, Leningrad State University named after A.S. Pushkin (State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Leningrad Region “Leningrad State University named after A.S. Pushkin”; 10 Peterburgskoe shosse, Pushkin, Leningrad Region, Russian Federation; e-mail: Vladimir_2004@mail.ru).

Для цитирования:

Исупов, В.А. Статистические материалы как источник по изучению военно-мобилизационного и трудового потенциала тыловых районов России в годы Великой Отечественной войны / В.А. Исупов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 141–146.

For citation:

Isupov, V.A. Statisticheskie materialy kak istochnik po izucheniyu voenno-mobilizacionnogo i trudovogo potenciala tylovyh rajonov Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Statistical materials as a research source of the military-mobilization and labor potential of the rear regions of Russia during the Great Patriotic War] / V.A. Isupov // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2023. – № 1 (59). – P. 141–146.

Дата поступления рукописи: 22.02.2023

Прошла рецензирование: 27.02.2023

Принято решение о публикации: 27.02.2023

Received: 22.02.2023

Reviewed: 27.02.2023

Accepted: 27.02.2023